

В.Б. Катаев

«Хамелеон»

Имя героя рассказа «Хамелеон» (1884) давно стало нарицательным, понятие «хамелеонство» вошло в русский язык. Хамелеоном мы привычно называем человека, готового постоянно и моментально, в угоду обстоятельствам, менять свои взгляды на прямо противоположные.

Рассказ уморительно смешон, хотя и здесь за смешным просматривается невеселый порядок вещей. Разнообразны проявления юмора в «Хамелеоне».

Простейшие формы комизма — нелепые фамилии персонажей (Очумелов, Елдырин, Хрюкин), абсурдные словоупотребление и синтаксис в их репликах («По какому это случаю тут? Почему тут? Это ты зачем палец?»); «Я человек, который работающий» и т. д.). Это разовые, точечные проявления смешного, абсурдизмы речи. Но комический эффект достигается в рассказе и иным, более сложным путем — с помощью композиции.

Основной композиционный прием в рассказе — повторение. Повторяемость, как бы запрограммированность поведения персонажей вызывает смех читателя.

В «Хамелеоне» повторяется ситуация выяснения («чья собака?»). Пять или шесть раз меняется ответ на этот вопрос, и столько же раз меняется реакция полицейского надзирателя.

Очумелов хамелеонствует из беспринципности? Нет! За всеми переменами в его реакции стоит принцип, и весьма устойчивый. В основе всех метаморфоз его поведения — незыблемая убежденность в превосходстве «генеральского» над «прочим», и эта незыблемость прочна, как и убеждение Червякова, что отношение низших к «персонам» должно основываться на почтительности и подобострастии.

В «Хамелеоне», в отличие от «Смерти чиновника», генерал вообще не появляется на сцене, он остается закулисным персонажем. Однако закулисные персонажи (как это не раз будет впоследствии и в пьесах Чехова) оказывают хотя и косвенное, но решающее влияние на то, что происходит перед глазами читателя или зрителя. Вместо генерала — лишь упоминание о нем, но в меняющихся приговорах Хамелеона это упоминание играет роль решающего аргумента. Вновь, как и в «Смерти чиновника», чтобы показать механизм системы зависимости и подчиненности, нет нужды в том, чтобы ее главные фигуры демонстрировали свою власть и силу. Действие этой власти и силы нагляднее обнаруживается в поведении фигур подчиненных, зависимых. Они, мелкие сошки, выступают главными хранителями системы. Тем страшнее (хотя внешне это, может быть, и смешно) вырисовывается всеохватность системы.

Эти рассказы могут служить образцами социальной сатиры времен Александра III, времен произвола властей, усиления зависимости «маленького человека» от тех, в чьих руках власть, и т. п. Правда, снова надо отметить несентиментальное отношение Чехова к страдательной стороне в сатирическом конфликте: полупьяный мастеровой Хрюкин с его укушенным пальцем, как до него Червяков, сочувствия отнюдь не вызывает. У Чехова свое, нетрадиционное для русской литературы, видение социальной темы.

Но, разумеется, неверно считать, что эти рассказы представляют только исторический интерес или что в них затронута лишь социальная тема.

При всех внешних психологических и социальных различиях и Червяков, и Хамелеон оказываются *абсолютно родственны* на ином, глубинном уровне. В каждом из рассказов автор рассматривает очередную разновидность стереотипа, шаблона мышления и поведения. И у Червякова, и у Хамелеона есть некое убеждение, которое и определяет все их действия, дает им жизненные ориентиры. У каждого из них свое понимание

«порядка», который заведен не ими и который следует всеми силами и любой ценой оберегать.

Чинопочитание у Червякова, превосходство «генеральского» над «прочим» у Хамелеона — эти нехитрые «идеи» (а одержимость своей «идеей» у этих чеховских героев по своему не меньшая, чем у героев Достоевского) как бы автоматически диктуют все их высказывания и поступки. Ложность представлений, которые кажутся их носителям абсолютной правдой, Чехов будет показывать в большинстве своих произведений. Страшная сила застывших представлений, заставляющая человека мыслить и поступать по стандарту, столкновения между носителями разных «правд» станут постоянными темами произведений писателя.